

Позвать непосредственного начальника помочь унести детей — Линь, даже проработав всего полгода, понимал, что так делать было неправильно.

Но когда он обернулся и увидел, что Фельдграу Дуофюр смотрит на него с тихой, терпеливой улыбкой, ожидая ответа, Линь снова решил, что для верховного инквизитора помочь подчинённому немного помянуть детей вовсе не являлось чем-то необычным.

В конце концов, церковь Блинецов Диссонанса даже делала рекламные снимки своего апостола, когда тот работал волонтером в церковном приюте.

На том фото снежноволосый розовоглазый дуофюрский птицелюд был увешан детьми всех рас. Как бы это описать... Линь чувствовал, что чуть смущённое выражение лица верховного инквизитора на фото выглядело даже милым.

Наверное, ему померещился огромный белый голубь, под крыльями которого толпились маленькие воробьи.

«В целом, верховный инквизитор, похоже, действительно любит детей?»

Линь решил хотя бы для вида проявить скромность и спросил:

— Это не слишком вас затруднит?

— Всё равно возвращаюсь в центральное отделение Инквизиции работать, — ответил Фельдграу. — Лучше немного пройтись и дать мозгу отдохнуть. Дети ведь не тяжёлые.

«Что ж, для служителя такого высокого ранга дети лёгкие, как бумага», — пробормотал мысленно Линь, но вслух только произнёс: — Тогда побеспокою вас.

— Это не беспокойство, — сказал Фельдграу, и от улыбки его глаза чуть изогнулись.

Священницы Матери Первозданной Крови, которые помогали с детьми, не только проследили, чтобы Пятнуля и Хвостик закончили домашние задания, но и аккуратно собрали им рюкзаки. Одна уже ушла, а другая осталась, сидя на коленях перед маленьким боковым алтарём и с закрытыми глазами совершая духовную практику.

Линь понимал: она задержалась так поздно только из-за того, что присматривала за уснувшими детьми.

Он тихо поблагодарил, аккуратно поднял два рюкзака и взял на руки Хвостик.

А верховный инквизитор поднял Пятнулю. Мягкое личико синего котолюда прижалось к его плечу, и половина круглой мордашки спряталась под плащом.

Закутавшись в красную робу священницы Матери Первозданной Крови — Линь отметил, что между церквями Шести Столпов отношения были настолько дружескими, что подобное вообще не вызывало недоразумений — и накинув капюшон, чтобы, очевидно, не привлекать внимание, Фельдграу улыбнулся Линю, и они пошли рядом.

Они вышли из боковой двери храма. Если смотреть в сторону главного входа, можно было заметить немало людей, пришедших сюда в этот час — вероятно, недавно закончивших работу.

В подземном городе улицы всегда полнились людьми. Ведь «день» и «ночь» являлись просто названиями для периодов с шести до восемнадцати часов и с восемнадцати до шести. Эти слова вовсе не касались солнца и луны — двух тёмных богов, о которых не следовало упоминать.

И всё же, выйдя из церковного двора, Линь по привычке поднял голову.

Ночного неба он не увидел — лишь слегка влажный потолок.

Вокруг церкви Матери Первозданной Крови располагались кровавые бассейны, испарения которых раз за разом делали потолок влажным.

Неподалёку находились шахты лифтов. Они, соединяющие уровни города в разных районах, и были настоящей транспортной системой подземных городов.

Лифт доставил их на третий уровень.

Стоило выйти, как сразу становилось заметно, что эта зона являлась грязнее и беднее нижних уровней.

На площади стоял трамвай. Линь зашёл внутрь, показал удостоверение инквизитора и тем самым освободился от платы; за двух детей он, однако, честно оплатил половину стоимости билета.

Фельдграу заплатил полную цену за себя, и кондуктор, не ожидавший сегодня какие-то заработки, удивлённо просиял и закрыл дверь.

Они немного обсудили грядущие награждения и повышение Линя. Фельдграу понизил голос и сказал, что Линь, возможно, поднимется сразу на два ранга.

«Два ранга... Недельная зарплата поднимется до восьмидесяти!»

Сонливость у Линя мгновенно пропала, и он начал считать, насколько сократится срок его накоплений.

Но даже если он будет повышаться столь же стремительно и регулярно получать премии и награды, всё равно ему понадобится год или два.

Даже если состояние Параибы не ухудшится, его слабые внутренние органы всё равно будут мучить его болью. Если возможно, Линь не желал тянуть год или два.

«Стоит ли подумать о "дополнительном доходе"?»

Банковский счёт Линя находился под контролем подразделения внутреннего надзора. Более того, именно из-за тяжёлого положения его семьи проверки у него были строже — чтобы не дать ему однажды оступиться и свернуть на кривую дорожку.

Линь не возражал. Даже такие люди, как богатый директор Листчес, ради жадного стремления к жизни могли пойти по неверному пути. Линь не считал себя настолько стойким, что ничто не сможет его поколебать.

«Если бы только можно было вернуться...»

Дважды прокрутив эту мысль у себя в голове, Линь снова сосредоточился.

Во-первых, занять денег — уже крайний вариант.

Этот пункт прежде не стоял настолько низко в списке: если бы статус Линя не изменился, он бы ещё в первый день отпуска побежал занимать деньги у своей наставницы, Яркитоги Драконли.

Они были знакомы больше двух лет. Если бы не то, что раньше она работала лишь в школе Инквизиторов и получала не так много — а по её рубиновому короткому мечу Линь подозревал, что она вообще не умела копить — он бы занял деньги ещё в день получения первого оклада инквизитора.

Теперь же Яркитога стала директором ритуального подразделения центрального отделения Инквизиции, её доход вырос в несколько раз, а статус дал связи: даже не имея накоплений, она легко могла занять несколько десятков тысяч, потому что многие с радостью одолжили бы ей.

Но теперь Линю, наоборот, было трудно просить займы — не только у Яркитоги, но и у любого другого.

Потому что он стал человеком, которого в любую минуту могли разоблачить и, следовательно,

сделать беглецом-инквизитором, подлежащим розыску.

А в этом городе, когда разоблачали культиста, многие подписанные им ранее договоры теряли законную силу.

Кристабель собиралась подать в суд, чтобы избежать наследования долгов мужа. Но если Линь будет разоблачён и сбежит, а Ректих с остальными, потеряв кормильца, не смогут выплачивать долг... Что тогда? Им что, придётся судиться с наставницей Яркитогой, лишь бы не унаследовать долг Линя и не возвращать ей деньги?

Со школы и до самой службы наставница помогала Линю слишком много; он не собирался так подло поступать.

Но он и не мог гарантировать, что его рано или поздно не раскроют.

Тогда остаётся только один путь...

— Снежноцапка...

Хвостик внезапно пробормотала её имя во сне.

Высчитывая варианты и одновременно вполуха отвечая верховному инквизитору, Линь похлопал её по спине.

«Да, именно Снежноцапка», — согласился он мысленно.

Он уже нашёл Снежноцапку. Когда она вернётся на сушу, Линь сможет, используя свою личность Ока Зазеркаля, организовать отправку денег от её имени — это никого не насторожит.

О беглецах, сбежавших из города, нашедших где-то сокровища и действительно разбогатевших, Линь тоже слышал.

Придать Снежноцапке такую легенду и восстановить её социальную историю — это помогло бы в том, чтобы она позже смогла обратиться в церковь Матери Первозданной Крови за очищением крови.

Оставался только один вопрос.

Где взять деньги, которые Снежноцапка якобы пришлёт?

Ограбить парочку культивистов?

Линь, яростно напрягавший мозги, даже не заметил, что так и не ответил Фельдграу.

Верховный инквизитор сидел напротив; капюшон скрывал его взгляд, но он спокойно наблюдал за задумчивым Линем; уголки его губ чуть приподнялись — и он больше не нарушал тишину.

Лишь когда трамвай прибыл на конечную, Фельдграу снова заговорил:

— Метод очищения крови раньше вообще не применяли к потомкам людей и демонов.

Линь с переполненной идеями головой не сразу понял:

— Что?

Ещё пару секунд — и он осознал смысл.

— А?..

Фельдграу открыл дверь, одной рукой снова взял Пятнулю, другую протянул Линю:

— Дай рюкзак.

При обычных обстоятельствах Линь бы попытался полюбезничать и не поспешил расставаться с рюкзаком, но сейчас он был слишком ошеломлён. Юный инквизитор отдал рюкзак и сразу спросил:

— Если не к смешанной крови... то к кому?

Фельдграу повесил рюкзак на руку, при этом ещё и успел поддержать Линя, который, чересчур быстро сходя с трамвая с Хвостик на руках, чуть не споткнулся.

Трамвай уехал, и лишь тогда Фельдграу, шаг за шагом идя вперёд, продолжил:

— Про потомков демонов и людей я тоже слышу впервые. Дева Серебряной Луны, играясь с жизнью, пытается вторгнуться в сферу рождения — это невозможно. Но случаи, где человеку требовалось очистить кровь, всё же были. Думаю, ты не слышал... Четыреста лет назад — святой Дракона Света Благолюб.

Святые в системе шести церквей являлись фигурой особой.

Если говорить прямо, Линь считал, что их надо называть «павшими героями».

Живых святых не существовало.

Если член церкви совершал огромный вклад, ему даровали святость посмертно.

— Святой Благолюб был создан экспериментом одного печально известного эпидеммага из Общества Исследования Чумы. Этот эпидеммаг заразил беременную женщину чумой, дождался её смерти, после чего извлёк младенца — святого Благолюба — из её утробы. Он изменил его, имплантировав множество искусственных органов, желая сделать из него машину убийства... Но однажды Дракон Света призвал Благолюба. Позже случилось многое, и Благолюб присоединился к церкви Дракона Света. В соответствии с принципом взаимопомощи между шестью церквями, один высокоуровневый кровеплотяной целитель, один высокоуровневый алхимик и один высокоуровневый запечататель провели операцию, очистив его кровь и удалив имплантаты. Полагаю, именно этот случай вспомнила мисс епископ, говоря тебе, что кровь можно очистить.

Но случай святого Благолюба вовсе не был похож на случай Снежноцапки.

Линь почувствовал головную боль.

А верховный инквизитор вдруг рассказывает это всё, потому что...

— Ситуация иная, но пока человек не желает пасть, путь найдётся, — тихо сказал Фельдграу. — У того экспериментального субъекта могут иметься сомнения... Но, если на него охотится культ Искажения, сотрудничать с Инквизицией для него безопаснее.

— ...Да, — сказал Линь.

«Намёк слишком очевиден, верховный инквизитор!» — внутри Линь уже трясся.

Фельдграу абсолютно точно связал Снежноцапку с тем экспериментальным субъектом, о котором говорили культисты. Потому и намекал так прямо.

«Но откуда он знает?»

Его коллеги могут знать, что у Линя дома есть больной. Возможно — что кто-то из его семьи пропал. Возможно — что Линь просил помощи в поисках этой пропавшей шестнадцатилетней волколюдки. Но этого недостаточно, чтобы верховный инквизитор так быстро понял, что экспериментальная особь — это Снежноцапка.

Разве что он знает, когда Снежноцапка прибыла в Шпиневиль.

«...Почему верховный инквизитор знает это?»

Или же Фельдграу увидел что-то в том, как Линь нарочно интересовался у епархиальной настоятельницы, можно ли очистить кровь от демонической примеси.

«Как он это понял? Я же старался быть осторожным!»

Линь, крайне редко терявший самообладание, теперь нервно стоял рядом с верховным инквизитором у двери апартаментов «Мятное масло».

***

— Ты-ы-ы куда ходи-ил, почему верну-улся так по-оздно-о?..

Ректих протянул слова, открывая дверь, но затем сразу же резко замолчал.

Он думал, что это Линь, который обещал погулять с детьми пару часов, но не возвращался с ними уже до одиннадцати. А увидев, что за дверью стоят не только Линь и двое малышей, но и незнакомец, он тут же насторожился.

Парень изучал незнакомца, и в тот миг, когда тот снял капюшон, он уставился на него во все глаза.

Ректих резко обернулся к Линю, ткнул пальцем в Фельдграу, и, таращась, попытался выговорить слова «верховный инквизитор», но смог произнести только первый слог:

— Верх... в-ве... ве-е-е...

Фельдграу лишь тепло улыбнулся, помог уложить спящего Пятнулю на двухъярусную кровать в гостиной и, не задерживаясь, сказал:

— Тогда, Линь, я пошёл.

— Спасибо вам, верховный инквизитор, — Линь поставил Хвостик на кровать и проводил гостя до двери. — Раз вы уже отложили оставшуюся работу, пожалуйста, отдохните хотя бы сегодня.

Ректих смотрел, как они — топ-топ-топ — спускаются по лестнице. А спустя минуту Линь — топ-топ-топ — поднялся обратно один и закрыл дверь квартиры 203.

Когда в доме остались только свои, Ректих наконец смог сказать фразу полностью:

— Почему верховный инквизитор нёс Пятнулю к нам домой?! А я уже решил, что ты притащил сюда свою тайную подружку!

— Потому что меня отправили на сверхурочную работу, и верховный инквизитор любезно помог доставить детей, — объяснил Линь. — Как там Парамба сегодня?

— Да всё так же... Линь?

Ректих увидел, как Линь почти бегом прошмыгнул в свою комнату.

Потому что юный тёмный бог вспомнил одну вещь.

Вчера, сидя дома, он купил на блошином рынке зеркало размером с тазик и повесил его у кровати.

Теперь, как только Линь вошёл, он увидел, как Моисей Гуппи с кислым лицом стоит в зеркале, скрестив руки на груди, и протянуто говорит:

— Ты-ы-ы куда ходи-ил, почему верну-улся так по-оздно-о?

<http://bllate.org/book/12612/1120010>